

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-11-2

УДК 316.323.83

КОЛОНИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Новожилова Е.О.

Колонизация представляет собой столкновение двух культур, двух образов жизни и двух способов принадлежности к экосистемам, а не изменение нетронутых ландшафтов или завоевание и уничтожение туземных народов. В силу геологических и биологических причин американская продовольственная база была ущербной, что имело серьезные демографические и социальные последствия. В отличие от индейцев колонизаторы располагали полным набором культурных растений и домашних животных для превращения всех типов американских экосистем в полноценные версии европейских агроценозов. Европейское сельское хозяйство, трансплантированное на американскую почву, сделало возможными массовую миграцию европейцев и воспроизводство здесь сложной социально-политической структуры и европейских социальных институтов. Контакты с европейцами познакомил индейцев не только с товарно-денежными отношениями, но и с инфекционными болезнями Старого Света, запустив глубокие экологические и социальные изменения. Несовпадающие представления о надлежащем использовании земли вкупе с биологическим успехом чемоданной биоты в Новом Свете привели к тому, что доминирование индейцев в американских экосистемах уступило место доминированию европейцев в европейских версиях агроценозов. В новых условиях индейский образ жизни и способы взаимодействия с экосистемами оказались невозможны.

Ключевые слова: колонизация; взаимодействие культур; экологические и социальные последствия колонизации.

COLONIZATION AS A SOCIO-ECOLOGICAL PHENOMENON

Novozhilova E.O.

Colonization is not just spoiling virgin landscapes or conquering and annihilating indigenous peoples. In fact, it implies a clash of two cultures, of two modes of living and of two

ways of being part of ecosystems. Geological and biological particularities of the American continent had their imprint on its food range leaving there certain gaps which led to serious demographic and social consequences. In contrast to the indigenous population, colonizers had all the necessary crop plants and domestic animals making it possible to turn American ecosystems into full replicas of European agrocenoses. Transplanted on the American soil, European agriculture paved the way for mass migration there of Europeans who brought with them a complex socio-political structure and European institutions. As a result of this influx of migrants Indians got to know not only commodity-money relations but also numerous infectious diseases of the Old World which triggered off deep ecological and social transformations. Diverging Indian and European concepts of proper soil exploitation and the biological success in the New World of the suitcase biota resulted in the Indian dominated American ecosystems giving way to the European versions of agrocenoses dominated by Europeans. Under such conditions the traditional way of life of the Indians and the way they used to interact with ecosystems was no longer viable.

Keywords: *colonization; cultural interaction; ecological and social consequences of colonization.*

Колонизация представляет форму бытия цивилизации, один из способов ее распространения в пространстве и во времени [3, с. 49]. Она может завершаться образованием торговых и производственных колоний, формированием плюральных империй, созданием поселенческих колоний [15, pp. 1-2]. Истинная колонизация относится к последнему случаю. Колонисты, переселяясь на территории с меньшей плотностью населения и более низким уровнем технологического развития, обретали на новом месте свою вторую родину. Истинная колонизация всегда имела экологическую составляющую.

Создание поселенческих колоний в Северной Америке относится к XVII-XVIII векам. В целом это была аграрная колонизация, поскольку большую часть прибывших составляли безземельные крестьяне, бежавшие от голода. В Европе к этому времени формируется прибавочный продукт населения. Лишившиеся земли крестьяне устремляются на свободные земли.

Пуританский колонизаторский проект представлял, в отличие от более раннего и привязанного к другим природно-климатическим условиям иберийского варианта, не включающее, а исключаящее общество. Леопольдо Сеа подчеркивает, что европейцы при образовании поселенческих колоний в Северной Америке исходили из предпосылки создания нового порядка, и в этом новом порядке индейцы были лишними [6, с. 147]. Но и индейцы, чьи практики

существования к 1800 г. напоминали практики европейских крестьян, продолжали идентифицировать себя как отдельный народ. Европейцы разрушили индейские цивилизации и даже облачили их богов в христианские одежды, но во многих базисных отношениях индейцы остались индейцами [13, р. 74]. Они сопротивлялись всякому включению в мир завоевателей [12, р. 164].

Для нашего анализа, однако, важнее то, что пуританский проект оказался исключительным и в экологическом смысле: замена местных флоры и фауны европейскими видами. Он будет повторен в умеренном климате других континентов и островов. «Колонисты не создавали [здесь] ... грамотной, производящей пищу демократии. Они просто импортировали все элементы со стороны: скот, все сельскохозяйственные культуры, ... металлургические знания, паровой двигатель, винтовки, алфавит, политические институты и микробов» [16, pp. 319-320]. Это об Австралии. Но первоначально европейская модель жизни будет имплантирована в американское чрево.

Приход европейских колонистов в Америку и на другие континенты и изолированные острова не означал внезапного превращения девственных земель в искусственные экосистемы. Эти земли не были «свободными»: на них издавна жили люди, занимавшиеся экстенсивным хозяйством, требовавшим обширных территорий [1, с. 59]. Первоначальные оккупанты могли обращаться со своей природой очень хорошо, так что во многих местах это была дикая природа [17, р. 45]. Однако само определение колонизации подразумевает, что колонизируемые земли обитаемы. Но они малолюдны, а степень их хозяйственного освоения обычно низкая. Она близка к использованию потенциала естественных экосистем. Тем не менее, все человеческие группы в большей или меньшей степени эксплуатируют, а значит, изменяют среду своего обитания [11, р. 2]. Там, где появляются люди, девственных земель не остается.

Американские индейцы, австралийские аборигены, маори Новой Зеландии, а до них – гуанчи Канарских островов и после них – коренные народы Сибири, африканские бушмены, готтентоты и банту до прихода колонистов тысячелетиями населяли свои экосистемы, использовали их и, как могли, трансформировали под свои нужды. Они сталкивались с другими человеческими группами, конкурировали за природные ресурсы, пытались подчинить себе соседей и распространить свой образ жизни и способы взаимодействия с экосистемами на соседние территории. Поэтому колонизацию следует рассматривать не как изменение нетронутых ландшафтов или завоевание и уничтожение туземных народов, а как столкновение двух культур, двух образов жизни и двух способов принадлежности к экосистемам. Как справедливо отмечает Уильям Кронон, анализ экологических изменений, вызванных колонизацией Нового

Света, должен неизбежно фокусироваться на различиях между человеческими обществами, существовавшими по разные стороны океана [12, p. 161].

Разнообразие природно-климатических условий и особенности рельефа сделали Америку географически раздробленной. Она напоминала совокупность изолированных островов, мало сообщавшихся друг с другом. Географическая раздробленность способствовала формированию изолированных обществ. На их псевдоостровной характер указывает целый ряд фактов, в частности, множественная параллельная доместикация близкородственных видов [2, с. 195] и загадочные не-изобретения, такие как колесо и письменность [16, p. 370], которые в Евразии, по-видимому, были изобретены однократно, а затем широко распространились путем заимствования. Добавим к этому низкую плотность населения и главным образом племенную организацию аборигенных обществ, встретивших европейцев по ту сторону Атлантики.

Формированию изолированных и самодостаточных обществ способствовала и меридиональная ориентация американского суперконтинента. Она затрудняла диффузию инноваций и тормозила общее социально-экономическое развитие. Это были небольшие общества, существовавшие в локальных экосистемах и довольствовавшиеся их ресурсами. За пределами мезоамериканских империй обмена носили нерегулярный характер, а торговля практически отсутствовала. Ограниченный характер обменов и торговли закреплял экономику существования, сдерживал накопление богатства и имущественное расслоение общества. Однако главным фактором социально-экономической отсталости доколумбовой Америки, на наш взгляд, является относительная видовая скудность естественной флоры и фауны. Особенно это касается подходящих для доместикации видов.

Изобилие дикой жизни, поразившее европейцев, было именно изобилием, но не видовым богатством. Флористическое и особенно фаунистическое разнообразие Нового Света существенно уступало евразийскому. Особенно это касалось мегафауны [13, p. 16]. Крупных млекопитающих в Америке было крайне мало, но дичи – много. Охота, доступная в Европе только королевским фамилиям и богатым землевладельцам, здесь оказалась общедоступным, легким и продуктивным занятием.

Пораженные увиденными богатствами «нетронутого» континента, поверившие отчетам и описаниям немногочисленных путешественников, первые колонисты представляли свою новую родину землей вечного изобилия. Но большинство ранних отчетов было написано в благоприятный весенне-летний период. Кроме того, описания нередко имели цель приукрасить действительность. Производительность естественных экосистем умеренного пояса, как и в

Европе, в Америке носила сезонный характер. Индейцы знали не только сезоны достатка, но и сезоны нужды.

Нам представляется, что само изобилие было больше кажущимся, чем реальным. В таком обмане восприятия свою роль сыграли два фактора. Во-первых, европейцы прибыли из тех мест, где нетронутых экосистем было мало, а полей, лугов и огородов – много. Поэтому естественные экосистемы, к которым индейцы применяли мягкие методы управления, показались колонистам девственными. Во-вторых, в Новом Свете европейцы столкнулись не столько с богатым видовым разнообразием, сколько с новизной. Большинство видов флоры и фауны было незнакомо колонистам, являло контраст привычному и поражало воображение. «Америка настолько отличалась от Европы, Азии и Африки ... во всем, что порождала земля, что вполне заслужила название Нового Света» [цит. по источн. 13, pp. 8-9].

Вместе с тем Америка оказалась существенно обделенной потенциальными кандидатами на доместикацию. Она дала миру лишь десятую часть культурных растений [2, с. 18], из которых только кукуруза и картофель получили «всемирное признание» и вошли в рацион народов многих регионов планеты в качестве основных кормильцев.

«Связка» американских культурных растений была недостаточной для полноценного производства пищи и отказа от присваивающих технологий. На многих землях культурные претенденты на территорию просто отсутствовали. Эти «вакансии» должны были ждать прихода европейских культурных растений, чтобы превратиться в продуктивные агроценозы. Культурная флора Старого Света чрезвычайно обогатила потенциал Америки в производстве пищи, существенно расширив перечень возделываемых растений.

«Связка» домашних животных в Америке просто отсутствовала. И это был самый разительный контраст между формами сельского хозяйства Старого и Нового Света и образом жизни большинства населения по обе стороны Атлантики. Наиболее очевидно этот контраст проявлялся в степных экосистемах, занимавших обширные просторы умеренного пояса.

Степи Евразии испокон веков служили естественными пастбищами домашним животным, а внутренняя земледельческая колонизация активно трансформировала эти экосистемы в поля зерновых. В льяносах, пампе и прериях Америки индейцы не имели механизма превращения травы в пищу для людей. А отсутствие лошади или собственного эквивалента, подходящего для верховой езды, делало охоту малопродуктивным занятием, обеспечивавшим экономику прожиточного минимума.

Недостаток животных протеинов туземное население компенсировало выращиванием бобовых, охотой на диких животных, а местами – ритуализованным канибализмом, сближавшим

нативных американцев с островитянами. Отсутствие домашних животных лишило коренных обитателей Америки молочных продуктов, тягловой силы и транспортных средств. До прихода колонизаторов самым сильным «доместицированным» существом оставался человек. Но его силы не доставало, чтобы ощутимо перестраивать окружающую среду, производить много, перевозить быстро и на большие расстояния. В отсутствие органических удобрений сельское хозяйство не могло стать оседлым, а без металлических орудий оно ограничивалось свежими и легко возделываемыми почвами. В большинстве регионов Нового Света земледелие носило переложный характер и не давало прибавочного продукта.

Мы полагаем, что отставание Нового Света в развитии во многом было обусловлено биологическими причинами. Туземное население Америки не имело в своем распоряжении тех видов, которые в совокупности могли обеспечить превращение естественных экосистем в продуктивные агроценозы. Располагая ограниченным набором культурных растений и почти не имея домашних животных, индейцы создали искусственные экосистемы, которые могли служить лишь дополнительным к охоте-собирачеству способом получения пищи. Индейское сельское хозяйство производило мало.

Ущербность американской продовольственной базы имела серьезные демографические и социальные последствия. Она могла прокормить сравнительно малочисленное население, организованное в простые общества. В свою очередь, малочисленность населения по отношению к размерам американского континента и примитивная социальная организация туземных обществ поддерживали порочный круг, закрывая возможности для самостоятельного развития.

С точки зрения европейских колонистов, туземное население недоиспользовало дары природы, землю и труд, поэтому жило бедно. Но индейцы не считали себя бедными. Основой устойчивого образа жизни, а значит, – достатка для них служило природное изобилие. Способы их существования в экосистемах были направлены на поддержание естественного богатства. Для этого требовалось вести мобильный образ жизни, приспосабливаясь к сезонным ритмам окружающей среды, и довольствоваться малым. «Потребности, – как пишет Маршал Салинз, – можно легко удовлетворить, либо производя много, либо желая мало» [5, с. 19]. Индейцы желали мало.

Европейцы пришли на новый континент с концепциями ресурсов и потребностей, выпестованными рыночной экономикой. На окружающий мир они смотрели через призму товарно-денежных отношений. Их подход к экосистемам в корне отличался от подхода индейцев, как и способы взаимодействия с окружающей средой и управления ею. Члены экосистемы были для европейских колонизаторов дискретными извлекаемыми единицами, подлежащими купле-

продаже. Свои представления о богатстве они связывали не с природным изобилием, а с тем, что можно с выгодой продать на рынке. И если индейцы желали мало, то европейцы хотели и могли производить много. Но для этого требовалось кардинально перестроить местные экосистемы.

В отличие от индейцев, колонизаторы располагали полным набором культурных растений и домашних животных для превращения всех типов американских экосистем в полноценные версии европейских агроценозов. Эти биологические союзники европейских колонизаторов позволяли создать устойчивую и неистощимую продовольственную базу, дающую значительный прибавочный продукт.

В наибольшей степени трансформации подверглись степи Нового Света. Европейцы принесли с собой живой инструмент превращения степных просторов Америки в наиболее продуктивные экосистемы. Этим инструментом были их животные: коровы, овцы и козы. Они превращали траву в самые питательные для человека продукты – мясо и молоко. Так что приход европейцев и их животных создал колоссальное увеличение животных протеинов, доступных человеку в Америке. Здесь европейцы оказались лучше всего питающимися людьми в мире, что стало самым мощным стимулом для миграции из полуголодной Европы.

Колонизация Нового Света с самого начала была аграрной. Элвин Тоффлер сравнил ее с «сельскохозяйственным ‘белым’ прибором, неустанно двигавшимся на Запад». Это движение утверждало на американском континенте цивилизацию Первой волны. [9, с. 54-55]. Европейское сельское хозяйство, трансплантированное на американскую почву, сделало возможными массовую миграцию европейцев и воспроизводство здесь сложной социально-политической структуры и европейских социальных институтов, превосходящих племена и племенные союзы индейцев и непрочные мезоамериканские империи. Без успешного перемещения в западное полушарие европейского сельского хозяйства гораздо меньшее число европейцев было бы готово совершить то же самое путешествие [13, p. 107].

Желание быстро стать на ноги, дефицит рабочих рук и избыток земли с ее естественными дарами поначалу провоцировали колонистов прибегать к техникам, больше напоминавшим охоту-собирачество индейцев, чем производственную деятельность. Но масштабы присвоения с самого начала были иными. Они задавались не экономикой существования, которой придерживались индейцы, а рыночной экономикой, с ее товарно-денежными отношениями и прибылью в качестве главного стимула транзакций. Основной мишенью колонистов становятся природные ресурсы, пользующиеся спросом на рынках метрополии: пушнина, шкуры, рыба, стволы лес. Уже в начальную фазу колонизации обширные сегменты природных экосистем

включаются в капиталистическую экономику и начинают обслуживать потребности населения далеких метрополий.

Дары природы требуют трудовых усилий только на изъятие. К добыче даров природы привлекалось более опытное и умелое туземное население. Меха и шкуры, добываемые индейцами, втягивали коренных обитателей континента в чуждые им коммерческие отношения. Заимствовав у европейцев лошадь и огнестрельное оружие, индейцы превратились в более эффективных, чем прежде, охотников. Торговые отношения с европейцами стали стимулом убивать больше животных, чем нужно для выживания. Так что непосредственная вина за сокращение численности бобра и других пушных зверей, а также за истребление бизона лежит на индейцах [8, с. 12; 12, pp. 91-92]. Вместе с тем спорадическая торговля между индейцами и колонистами, просуществовавшая не меньше столетия, предоставляла больше возможностей для сотрудничества, чем для конфликта.

Контакты с европейскими торговцами пушниной, познакомившие индейцев как с товарно-денежными отношениями, так и с инфекционными болезнями Старого Света, запустили глубокие экологические и социальные изменения. Истощение природных ресурсов вследствие усиленной эксплуатации имело разные последствия для туземного населения и для колонистов. Колонисты, со временем обратились к привычным практикам выращивания растений и разведения животных. Индейцы такой альтернативы не имели. Когда дичи и пушного зверя стало мало, а охотничьи угодья превратились в пастбища и поля, разрушился весь индейский мир. Аборигенам оставалось либо отступить в те земли, на которые европейцы еще не успели заявить свои права, либо принять образ жизни колонистов.

Следствием европейской колонизации стало сокращение численности индейцев и их вытеснение в резервации. Но в этих очевидных результатах не было ни злого умысла, ни прямого намерения тех, кто сменил родину.

Всякая колонизация влечет за собой притеснение местного населения, но оно редко принимает формы прямого насилия. Многие европейские ученые того времени, включая Бюффона, считали все живое в Новом Свете – в том числе американских индейцев – уступающим по качеству тому, что было в Старом Свете. Это могло послужить теоретическим фундаментом негативного отношения к туземцам. Однако в реальной жизни колонисты едва ли руководствовались подобными соображениями, а их будни, особенно на первых порах, были наполнены не столько борьбой с индейцами, сколько борьбой за выживание в непривычных и тяжелых условиях. Так что замену индейцев белыми колонистами, на наш взгляд, следует рассматривать в русле взаимодействия культур в ходе колонизации и учитывать экологическую составляющую в этом сложном процессе.

До прихода европейских колонистов американские индейцы представляли собой экосистемные общества. Они жили охотой, собирательством и рыболовством. Некоторые племена практиковали земледелие, иногда дополняя его присвоением даров природы, а иногда, наоборот, дополняя присвоение даров природы мелкомасштабным земледелием. Только в некоторых районах Южной и Центральной Америки сельскохозяйственный комплекс, сложившийся на основе выращивания картофеля или кукурузы, стал главным способом получения пищи и базисом сложных стратифицированных обществ.

В умеренном климате Северной Америки земледелие играло второстепенную роль. Оно включалось в географически мобильную экономику существования. Североамериканские индейцы выращивали кукурузу, бобы и тыквы в смешанных посадках. Монокультурных полей они не знали.

В тех районах, где индейцы практиковали земледелие, плотность населения была выше, а формы социальной жизни – сложнее и разнообразнее по сравнению с теми районами, где основу существования составляли охота и собирательство. Способность сельского хозяйства выравнивать сезонную нехватку ресурсов естественных экосистем создала ситуацию, когда индейское население южной части Северной Америки составляло 80% всех обитателей североамериканского континента, занимая при этом площадь, равную площади «северян», живших присвоением даров природы [12, р. 42].

Однако индейское земледелие европейцам представлялось отсталым как по набору возделываемых культур, так и по методам. Оно не могло дать много или обеспечить полноценный рацион. В континууме альтернативных стратегий получения пищи туземное земледелие редко оказывалось конкурентоспособным в сравнении с охотой-собирательством. Оно служило подспорьем и не мешало мобильности, которая для индейцев умеренной климатической зоны была образом жизни, позволявшим использовать сезонное разнообразие природных источников пищи.

Вместо полноценного сельского хозяйства индейцы практиковали управление биологическими ресурсами. Неопытному взгляду европейцев оно не было заметно, но представляло искусный вариант повышения продуктивности естественных экосистем. Систематически пуская палы, индейцы создали и поддерживали леса паркового типа: разреженные, светлые, состоявшие из крупных деревьев. Под пологом таких лесов формировались урожайные ягодники, и рос обильный травостой. Леса паркового типа привлекали дичь и служили ей местами кормежки и размножения [4, с. 132]. Не имея животных, подходящих для одомашнивания, индейцы Северной Америки, тем не менее, практиковали своеобразное «животноводство». Но

они отличались от европейцев тем, что не использовали дичь кроме как в пищу и не владели «своими» животными.

Не было у индейцев, в европейском понимании, и собственности на землю. Особенно индивидуальной. Индейцы отождествляли себя с землей, на которой жили. Это не означало землевладения. Люди владели не столько землей, сколько ее плодами. Индейское «владение» землей не исключало других из ее использования. Будучи важнейшим компонентом индейской культуры, земля внушала людям ощущение стабильности их места в мире. Потеря земли в результате европейской экспансии оказалась для североамериканских индейцев равнозначна потере души [7, с. 17].

Европейская концепция собственности на землю вытекала из рыночных отношений. Она была исключительной, связанной с правами индивида, а не расширенного коллектива. Европейцы покупали и продавали свою землю как любую другую частную собственность. Они огораживали ее в стремлении наложить на сложное разнообразие американских ландшафтов регулярную модель и сделать использование земли и ее ресурсов более избирательным и концентрированным. С самого начала американская нация формировалась как общество биосферных людей, не имеющих территориальной идентичности. Чувство фронта и постоянно расширяющейся территории лишило колонистов привязанности к конкретному географическому месту [10, с. 93].

Представления индейцев и европейцев о надлежащем использовании земли в корне не совпадали. Европейцы хотели «улучшить» землю, которую, по их мнению, индейцы использовали неэффективно. Улучшение для колонистов было синонимом повышения продуктивности. Охотничьи угодья индейских племен должны были стать монокультурными полями и пастбищами европейских поселенцев. А продукция агроценозов, созданных на основе растений и животных Старого Света, превращалась в рыночный товар.

В свою очередь, у индейцев просто не было концептуального орудия, чтобы понять сельскохозяйственные практики европейцев. Им было невдомек, зачем улучшать то, что и так хорошо, зачем так много, тяжело и безрадостно трудиться и зачем производить больше, чем нужно. Несовпадающие представления о надлежащем использовании земли вкупе с биологическим успехом чемоданной биоты в Новом Свете привели к тому, что доминирование индейцев в американских экосистемах уступило место доминированию европейцев в европейских версиях агроценозов. «Общества по разные стороны океана имели разную политическую организацию, системы производства и отношения человека с природным миром. Сдвиг от доминирования индейцев к доминированию европейцев совпал с заменой прежней системы пере-

ложного земледелия и охоты-собираательства сельским хозяйством, выращивающим культуры и разводящим скот в семейных производственных единицах, имевших закрепленные границы собственности и привязанных к коммерческим рынкам» [12, р. 160]. В новых условиях индейский образ жизни и способы взаимодействия с экосистемами просто оказались невозможными.

Колонизация запустила глубокие и необратимые экологические изменения в прежде изолированных экосистемах континентов. Ее косвенным следствием оказались сокращение и специализация флоры и фауны и гомогенизация мировой биоты. Однако эти процессы позволили громадным образом повысить глобальный производственный потенциал. «Регионы, сегодня экспортирующие больше продовольствия европейского происхождения, ... чем любая другая территория планеты, пятьсот лет назад не знали пшеницы, ячменя, ржи, крупного рогатого скота, свиней, овец и коз» [14, р. 7].

Поначалу поток был преимущественно односторонним. Но переданные колониям технологии – прежде всего транспортные – создали возможность встречной волны переноса. В мировой сельскохозяйственный оборот оказались вовлечены энергетически ценные культуры Нового Света и других колонизированных территорий. Распространение в Европе американских пищевых растений – главным образом кукурузы и картофеля – внесло весомый вклад в экономическое процветание первой половины XVIII в. [18, р. 144]. Сформировался глобальный пул обменов. В него вошли такие важные коммерческие культуры, как кофе, какао, сахарный тростник, табак.

Гомогенизация коснулась не только культурных растений и домашних животных. Вследствие колонизации происходил глобальный обмен сорными видами, микроорганизмами, дикими животными. В результате таких обменов естественные и искусственные экосистемы разных континентов стали относительно однородными в своем климатическом диапазоне.

Колонизация имела серьезные социально-экономические последствия. Она покончила с изоляцией и самодостаточностью экосистемных обществ. Превращение естественных ландшафтов в агроценозы и индустриальные экосистемы и их интеграция в капиталистическую экономику подняла уровень мирового благосостояния. Сначала метрополии, а затем и многие колониальные территории вступили в период бурного экономического развития. Повышение производительности труда привело к увеличению производства и потребления. В XVIII веке впервые появилась возможность социальных инвестиций: образование, гигиенические мероприятия, инфраструктура. Но, самое главное, возник широчайший диапазон новых возможностей, не знающий прецедентов во всей доиндустриальной истории [15, р. 21].

Список литературы

1. Болховитинов Н.Н. О роли «подвижной границы» в истории США: (Критический анализ концепции Ф. Тёрнера) // Вопросы истории. 1962. №9. С. 57-74.
2. Вавилов Н.И. Происхождение и география культурных растений. – Л.: Наука, 1987. 440 с.
3. Карнаух В.К. Волны цивилизации: учеб. пособ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 98 с.
4. Рахилин В.К. Животные в жизни людей: (История изучения, использования и охраны животного мира). – М.: Полиграфия, 1996. 264 с.
5. Салинз М. Экономика каменного века. – М.: О.Г.И., 1999. 293, [1] с.
6. Сеа Л. Философия Американской истории: Судьбы Латинской Америки. – М.: Прогресс, 1984. 352 с.
7. Сэйл К. Завоевание рая // Америка. 1992. №431. С. 11-18.
8. Тишков В.А. Индейско-европейские связи в ходе освоения континента // Америка после Колумба: Взаимодействие двух миров: Проблемы индеанистики / Отв. ред. В.А. Тишков. – М.: Наука, 1992. С. 5-17.
9. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 781, [2] с.
10. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635, [5] с.
11. Ausubel J.H. The Liberation of the Environment // Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. Summer 1996: The Liberation of the Environment. Vol.125. №3. Pp. 1-17.
12. Cronon W. Changes in the Land: Indians, Colonists and the Ecology of New England. – New York: Hill and Wang, 1983. xiv, 241 p.
13. Crosby A. The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1972. xv, 268 p.
14. Crosby A. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900 – 1900. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 386 p.
15. Curtin Ph.D. The World and the West: The European Challenge and the Overseas Response in the Age of Empire. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. xiv, 296 p.
16. Diamond J. Guns, Germs, and Steel. – New York: W.W. Norton and Company, Inc., 1999. 480 p.
17. McKibben B. The End of Nature. – London: Viking, 1999. 212 p.
18. McNeill W.H. The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000. Oxford: Oxford University Press, 1982. x, 405 p.

References

1. Bolhovitinov N.N. O roli «podvizhnoj granicy» v istorii CSHA: (Kriticheskij analiz koncepcii F. Tyornera) // Voprosy istorii. 1962. N 9. Pp. 57-74.
2. Vavilov N.I. proishozhdenie i geografiya kul'turnyh rastenij. – L.: Nauka, 1987. 440 p.
3. Karnauh V.K. Volny civilizacii: uchebnoe posobie. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 1998. 98 c.
4. Rahilin V.K. Zhivotnye v zhizni ljudej: (Istoriya izucheniya, ispol'zovaniya i ohrany zhivotnogo mira). – M.: poligrafiya, 1996. 264 p.
5. Salinz M. E'konomika kamennogo veka. – M.: O.G.I., 1999. 293, [1] p.
6. Sea L. Filosofiya amerikanskoj istorii: Sud'by Latinskoj Ameriki. – M.: progress, 1984. 352 p.
7. Se'jl K. Zavoevanie raya // Amerika. 1992. N 431. Pp. 11-18.
8. Tishkov V.A. Indejsko-evropejskie svyazi v hode osvoeniya kontinenta // Amerika posle Kolumba: Vzaimodejstvie dvuh mirov: Problemy indeanistiki / Otv. red. V.A. Tishkov. – M.: Nauka, 1992. Pp. 5-17.
9. Toffler A. Tret'ya volna. – M.: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2004. 781, [2] p.
10. Hantington S. Kto my?: Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti. – M.: OOO «Izdatel'stvo ACT»: OOO «Tranzitkniga», 2004. 635, [5] p.
11. Ausubel J.H. The Liberation of the Environment // Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. Summer 1996: The Liberation of the Environment. Vol. 125. N 3. Pp. 1-17.
12. Cronon W. Changes in the Land: Indians, Colonists and the Ecology of New England. – New York: Hill and Wang, 1983. xiv, 241 p.
13. Crosby A. The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492. – Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1972. xv, 268 p.
14. Crosby A. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900 – 1900. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 386 p.
15. Curtin Ph.D. The World and the West: The European Challenge and the Overseas Response in the Age of Empire. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. xiv, 296 p.
16. Diamond J. Guns, Germs, and Steel. – New York: W.W. Norton and Company, Inc., 1999. 480 p.
17. McKibben B. The End of Nature. – London: Viking, 1999. 212 p.
18. McNeill W.H. The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000. – Oxford: Oxford University Press, 1982. x, 405 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Новожилова Елена Олеговна, кандидат биологических наук, доцент, докторант кафедры теории и истории социологии ф-та социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры сервиса безопасности Санкт-Петербургского государственного противопожарного университета МЧС России

Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургский государственный противопожарный университет МЧС России

Университетская наб., 7-9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; Московский пр., 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия

elena1572009@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Novozhilova Elena Olegovna, Ph.D. in Biology, doctoral student at the Chair of Theory, Methodology and History of the Department of Sociology of Saint-Petersburg State University, Assistant Professor at the Chair of Security Service of Saint-Petersburg Fire State University of the Russian Ministry of Emergency Situations

Saint-Petersburg State University; Saint-Petersburg Fire State University of the Russian Ministry of Emergency Situations

Universitetskaya nab., 7-9, St. Petersburg, 199034, Russia; Moskovskiy av., 149, St. Petersburg, 196105, Russia

elena1572009@rambler.ru

Рецензент:

Карнаух Владимир Кузьмич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Западного института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ